

Мир. - 1988. - 23 июля

События и судьбы

Жизнь и песни Клавдии Шульженко

ПИСАТЬ Шульженко не любила. «Мое дело — петь, — считала она. — Пусть каждый занимается своим делом». Только однажды, уступив настойчивым просьбам друзей, села за воспоминания, но, испирав две-три странички, отложила их и никогда больше к ним не возвращалась.

Вот они:

«18 июня 1957 года. Крым, санаторий Меллас. Солнечный теплый день, много зелени, цветут розы, и море, прекрасное Черное море. Смотришь на него, и волны приносят воспоминания далекого-далекого прошлого.

Иван Иванович Шульженко, мой отец, служил в Управлении железной дороги бухгалтером. Был он очень замкнутый, большой человек, но очень умный и даже мудрый. Мама, Вера Александровна, — нежная, ласковая, беззаветно, до самопожертвования любящая женщина. Она была домашняя хозяйка.

Родилась и росла я на Украине, в городе Харькове, на Владимирской улице, дом 45, квартира 6. Семь лет пошла в школу, училась хорошо — память у меня отличная, такой сохранилась и до сих пор.

Я не любила темноты и с наступлением вечера избегала оставаться одна в квартире. Это не была трусость, отнюдь нет, — прошло немало лет, много, очень много пережито, а это чувство сохранилось до сих пор — нелюбовь темноты и одиночества.

Когда родители уходили в гости или в театр и мне приходилось оставаться одной, я зажигала весь свет во всех комнатах, открывала все окна и... начинала петь.

В моем репертуаре были старинные песни и романсы — «Шелковый шнурок», «По старой Калужской дороге», «Дни за днями катятся», «Снился мне сад» — как мало, но какое разнообразие! Пела я все это с любовью, с душой, голос молодой и сильный летел в открытые окна, на простор, на улицу.

И вот однажды, когда я спела одну из песен, раздались шумные аплодисменты.

— Покажитесь! Мы хотим видеть вас! — кричали из темноты и продолжали аплодировать.

Первые аплодисменты в моей жизни, о которых я тайно мечтала! Какое необычайное чувство внутренней, блаженной теплоты, радости, счастья! Это состояние невозможно передать словами.

Я не знаю, кто были мои первые слушатели, но мне показалось, что в тот вечер я нашла свою звезду, которая приведет меня в искусство.

Эти странички воспоминаний публикуются впервые.

Лет 10 назад, когда к Клавдии Ивановне обратились с просьбой написать книгу, она сказала: «Я могу только рассказать тебе», — и с мягкой улыбкой, но твердой убежденностью настояла, чтобы в тексте книги было указано, что Шульженко не написала ни строчки: «Не надо вводить людей в заблуждение — тоже мне, скажут, еще один писатель нашелся!»

Неполных семнадцати лет она «пошла в артистки».

— Ну, что мы умеем, девочка? — спросил ее руководитель Харьковского драматического театра, известный режиссер Николай Николаевич Синельников.

— Все! — выпалила Шуль-

женко. — Петь, декламировать, танцевать.

— Пожалуй, спойте, — предложил Синельников. — Наш концертмейстер поможет вам. Ду-ня, будьте добры!

Дуней оказался молодой человек с крупным лбом и большими, не по возрасту залысинами. Это был в ту пору начинающий композитор Дунаевский, песни которого впоследствии украшали программы Шульженко. Под его аккомпанемент абитуриентка спела «Распрягайте, хлопцы, коней» и все тот же жестокий романс «Шелковый шнурок». Последний заставил Синельникова растеряться: девочка, поют, да еще от первого лица, о том, как она изменяла своему возлюбленному и тот в конце концов повесился на подаренном ею шелковом шнурке, производила комическое впечатление. Но Шульженко исполнила романс с такой верой, с такой искренностью, что была принята в труппу.

Услышав Шульженко в те годы, известная оперная певица Лидия Липковская сказала ей: «Вы обладаете мягким почерком, а хотите писать жестким пером. Вам нужен свой репертуар...»

Легко сказать: «свой репертуар». А где его взять? На афишах она читала: «Надежда Плевицкая в собственном репертуаре», и песни, что исполняла Надежда Васильевна, ей были близки, но воспользоваться чужой собственностью Шульженко не могла и не хотела.

Уже в ту пору, когда Шульженко делала первые шаги на эстраде, она поняла, что ее песни должны быть лирическими и — обязательно! — сюжетными. На всю жизнь запомнила она слова Синельникова: «Ты актриса, ты должна играть песню, как мы играем спектакль, с той только разницей, что в песне все роли — твои».

В справедливости этих слов Шульженко убедилась и во время своего ленинградского дебюта, когда 5 мая 1928 года спела шуточную миниатюру, написанную по мотивам рассказа А. Чехова, «На санках», на долю которой выпал наибольший успех. В справедливости этих слов она убедилась и позже, когда исполнила «Три вальса» — трехактную пьесу, в которой прослеживаются судьбы и характеры героев на протяжении полувека!

Работать над такими песнями было увлекательно и трудно. «Вся моя жизнь — экзамены, которые каждый раз приходится сдавать заново, без ссылки на былые заслуги», — не раз говорила она. О трех таких экзаменах хочется рассказать.

Первый Всесоюзный конкурс артистов эстрады. 700 заявленных, три тура соревнований, проходивших на местах и в столице. На третьем, решающем туре осталось 52 претендента на звание лауреата — очень мно-

го. 16 декабря 1939 года в ложе Колонного зала Дома союзов, где проходил третий тур, разместилось жюри, возглавляемое И. Дунаевским. Такого авторитетного ареопага впоследствии не собирал ни один эстрадный конкурс: М. Зощенко, Б. Ардов, Л. Утесов, Н. Смирнов-Сокольский, И. Ильинский, В. Яхонтов, И. Моисеев...

«Волновалась я ужасно, — вспоминала Клавдия Ивановна. — Особенно когда встала у рояля и увидела блокноты жюри, показавшиеся мне гигантскими, а из-за них, как из-за баррикады, нацеленные на меня авторучки...

Объявила первую песню — зрители зааплодировали тепло и, как мне показалось, дружелюбно. И, забыв о жюри, стала петь для тех, кто пришел на концерт, кто хотел — я это чувствовала — поддержать меня. Страх ушел с каждой строчкой песни».

По условиям конкурса разрешалось спеть только три песни, и «бисы» были запрещены. Но публика не отпустила Шульженко. В нарушение порядка Шульженко — единственная из конкурсантов — пела на «бис».

На другой день жюри собралось в последний раз, чтобы вынести свое решение. Архивы сохранили стенограмму их дебатов. Вот оценки выступления Шульженко.

Н. Смирнов-Сокольский: «Она — лауреат! Если бы Шульженко не знали, а просто приехала женщина на конкурс и спела советскую песню так, как спела она, и нашелся бы человек, который голосовал против, я бы очень удивился».

И. Дунаевский: «Шульженко спела блестяще, просто здорово. Мастерство ее несомненно».

Звание лауреата Клавдия Шульженко получила единогласно.

Второй экзамен несоизмерим с первым.

Война застала Ленинградский джаз-ансамбль под руководством Клавдии Шульженко и Владимира Коралли на гастролях в Ереване. 22 июня 1941 года от имени всего коллектива в Ленинград ушла телеграмма с просьбой считать его добровольно вступившим в ряды Красной Армии. Шульженко с товарищами возвращается в родной город. До блокады оставалось совсем ничего. Но ежедневно автобус, в крыше которого вскоре появились пробоины, отправлялся от Дома Красной Армии на мобилизационные пункты, в воинские части, на аэродромы, в первые госпитали, в цеха оборонных заводов. Надвигался, а затем и заявил себя в полную силу голод, остановились электростанции, здания сковал холод. Но при любых условиях продолжались концерты фронтового джаз-ансамбля.

Ее песни ждали всюду — и там, где концерт мог превратиться вражеским налетом, и там, где рабочие, сутками не выходявшие из цеха, слушали певи-

цу, не аплодируя. «Извините нас, мы бережем силы для ремонта танков», — объяснили ей.

За год работы в блокадном Ленинграде Шульженко дала 500 концертов. Для мирного времени цифра нереальная. Реальной она могла стать только в дни войны.

12 июля 1942 года состоялся пятисотый концерт Шульженко и ее фронтовой бригады.

И третий экзамен. Он остался почитателям таланта Шульженко неизвестным. Это был экзамен на выживание.

После постановления 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград», недавно по справедливости отмененного, в печати и в органах, руководящих искусством, началась борьба с «безыдейностью». Под это определение попали, в частности, почти все лирические песни, как «уводящие в интимный мирок» (так выражались рецензенты), «не зовущие» и «не ведущие». Четырнадцать приказами Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром, изданными за один октябрь 1946 года, были запрещены 300 произведений различных жанров. В их числе фактически все, что пела Шульженко, — «Записка», «Руки», «Часы», «Синий платочек», «Встречи», «Не жалею»... Песни эти вычеркивались из обихода: вслед за запрещением их исполнения последовал приказ об изъятии из продажи пластинок с их записями.

Шульженко осталась без репертуара. Но не сдалась. Почти год не появляясь на эстраде, она работала над новой программой, обратившись за помощью к композиторам, с которыми ее связывала творческая дружба.

Первым откликнулся В. Соловьев-Седой. Он передал певице только что законченное им произведение — вокальную сюиту на стихи А. Фатьянова «Возвращение солдата». Впервые Шульженко работала не над отдельной песней, а над циклом, да еще таким, который, по мнению музыковедов, одному исполнителю спеть не под силу. Артистическое мастерство певицы позволило преодолеть все трудности. Сюита, исполненная в дни, когда страна отмечала свое тридцатилетие, имела огромный успех, а лучшие песни из нее — «Поет гармонь за Вологодой» и «Где же вы, друзья-однополчане» надолго остались в репертуаре Шульженко. Шульженко не изменила избранному жанру — лирической песне, в которой говорила о том, чем живут ее современники, что их волнует, радуется и печалит. Оттого она и выдержала этот экзамен, преодолев обстоятельства, оттого она и одержала победу над временем.

Глеб СКОРОХОДОВ.

На снимках: год 1942, после премьеры песни «Синий платочек»; К. И. Шульженко. (Харьков, 1926 г.).